

Баалу

**Пять миллиардов
«люблю!»**

**Том 1
Псалмы небесам**

Глава 1.16. Империя счастья

Таким был [Китай](#) ещё в 19 веке – давно небогатым и технически отсталым, всё ещё трудолюбивым и опрятным. Я терял и всем трепещущим сердцем понимал, я теряю, я спешил запечатлеть его таким, потому что сейчас налетит палящая туча, выжжет землю и душу – уже жжёт, уже ожесточаются, – всё разительно изменится и никогда уже ни земля, ни душа не будет прежней. Я замучивал десятки художников одновременно, заставляя их работать, как проклятых, чтобы осталось как можно больше памяти сердца. Никому не дано было заглянуть в будущее, что за перемены нас ждут, ясно только, что они будут грозными и сотрут из памяти людей все мотивы былого, весь этот настрой спокойного размеренного труда, труда во что бы то ни стало, который один выводил из всех бед и только на терпеливый труд оставалась надежда. И на живопись. Однажды люди устанут «разбрасывать камни». Пусть тогда случайно попавшаяся на глаза картинка тронет сердце и пробудит желание построить страну, в которой пусть трудно, но можно надеяться, любить, жить

Материковый Китай возглавил председатель Коммунистической партии Китая Мао Цзэдун, нимало не беспокоясь ни о том, что партию создали и развили другие люди, ни о том, что его взгляды не приветствовались ни товарищами по партии, ни советскими или коминтерновскими руководителями, ни тем, что он сам себя назначил, полагаясь не на авторитет – он был невелик, – а на стоявшую за ним армию и даже уголовников, то есть

победил запрещённым приёмом. Так Китайская республика оказалась только на Тайване и то, что мы хотели построить во всём Китае, мы построили там, а материковый Китай стал Китайской Народной республикой, продолжил прозябание в нищете и... Мао сделал несколько попыток заявить, что в новых исторических условиях он является императором. Все вежливо не заметили этого абсурда. Поскольку выборов президента в Китае так и не было, изменить положение было невозможно до самой кончины Мао.

Президиум 6-го расширенного пленума [ЦК КПК](#). Сидят: Кан Шэн, Мао Цзэдун, Ван Цзясян, Чжу Дэ, Сян Ин, Ван Мин. Стоят: Чэнь Юнь, Бо Гу, Пэн Дэхуай, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Ло Фу. Яньань, осень 1938 г. В конце 30-х расстреляли Чжу Дэ, Цзясян и Ван Мин были отравлены, с Чэнь Юнем «что-то случилось», Бо Гу расстреляли в начале 1950-х. Расстреляны были в конце 30-х и все главари банд, объединённых Мао под своим началом

Развивая военную рефлексию, Мао и после наступления мира поддерживал полувоенную диктатуру и наращивал коммунистическую риторику вполне в духе Советской России. Ещё Сталин настаивал на единстве Китая, хотел быть посредником в примирении. Тщетно! – Мао мечтал об императорстве и законный президент Цзян Цзешань не помещался с ним на одном континенте. И Аану, как обычно, задавая деградацию, принялся «распространять в городах деревенский стиль и партизанские привычки» как идеал нового строя. О развитии страны говорить с такими людьми бесполезно, Мао просто не понимал; в предыдущей главе я упомянул случай, когда он взял у СССР кредит развития и купил на него вооружение для войны, в которой уложил больше миллиона человек.

Цзян Цзешу в 1927 году провозгласил независимость Китая и объявил его Китайской Республикой. Ещё армия Гоминьдана подходила к побережью, ещё первые отряды грузились на пароходы, а Мао уже вступал в официоз как глава Китая. Провозглашение независимости Китая и Китайской Народной Республики 1 октября 1949 года Мао Цзэдуном, для которого не существовало ни прежних завоеваний, ни прежнего статуса государства. Он репрезентовал себя не правопреемником, а основоположником-освободителем страны, узурпированной Цзяном. Все стояли перед фактом, что Гоминьдан бежал и бросил их, то есть Мао гораздо сильнее, и принимали как факт, что Мао – узурпатор, но деться некуда и что будет, то будет. Кадры из документального фильма [«Две жизни председателя Мао»](#)

Всё тот же незаменимый Чжоу Эньлай предоставлял Мао ораторствовать за всех, а сам тихо и просто работал. Итогом был большой скачок экономики, начавшийся прямо от образования КНР. Немедленно были национализированы земли и собственность, 300 млн. крестьян получили 47 млн. га пахотных земель, по 15 соток на человека – столько, сколько можно обработать без техники. Я непременно начинаю восстановление экономики с восстановления оросительной системы, и уже к 1952 году продукция сельского хозяйства выросла у Чжоу примерно на 50 %. Уже за первую пятилетку (1953-57) Китай вышел на 9-е место в мире по объёму производства стали, чугуна – на 7-е, угля – на 5-е, электроэнергии – на 13-е место¹. Это уже был Большой скачок. Мао ревниво отделил Чжоу от успеха, поднял крик о его собственной инициативе Большого скачка и сломал систему Чжоу.

Что же Мао мог противопоставить успеху Чжоу? Как мог добиться эффективности труда, не меняя принципа прессинга, не-развития экономической структуры и не-озабоченности условиями труда и жизни народа? Вывод был однозначным: доведя воодушевление трудящихся до такого экстаза, в каком работали мои люди на всё ещё голодном Тайване. Ведь работали безоглядно! И Мао так хотелось. У Чжоу и Цзяня индивидуальные и небольшие

¹ Ф.М. Бурлацкий. [Мао Цзэдун и его наследники.](#)

хозяйства сопутствовали здравости, экстатическое стремление к труду новых тайваньцев было стремлением восстановить своё поруганное имя и достойную жизнь. У Мао привести людей к экстатическому состоянию можно было только назойливой идеологической обработкой. Как добиться её эффективности? Соединив людей в большие коммуны, казармы, где ни у кого не будет угла для личной жизни и уединения для собственной мысли, чтобы идеологическая обработка вбилась в каждую голову, как модная песенка, которую слышишь сорок раз в день, а больше ничего не крутят. Как будто энтузиазм может компенсировать непрофессионализм, техническую неоснащённость, нерациональное использование труда, сознание униженности нищетой и примитивизацией жизни, невозможности решить свои проблемы, озабоченность будущим детей, если такое положение продлится. Небогатая идея приводила к тому, что всё равно их можно только *заставить* работать столько, чтобы доползали до койкоместа и катапультировались по утрам прямо в «трудовые будни – праздники для нас».

По выступлениям Мао тех лет видно, что Цин Цзян ему давала уроки актёрского ремесла, чтобы он мог изобразить экстаз и передать его слушателям. Если только они были нужны послушному Мао, ведь Аану лицедействовал и заводил толпы так, как больше никто не умел. Слушатели жадно ловили, чего от них хочет власть, под что мимикрировать, чтобы выжить. Кадры из документального фильма «[Две жизни председателя Мао](#)»

Мао объявил кампанию Великого скачка в будущее с обещанием, что в результате трёх перенапряжённых пятилеток Китай перепрыгнет из феодальной отсталости к уровню производства Великобритании. Сверху вниз были спущены гигантские планы, снизу вверх вытребованы фантастические социалистические обязательства – что производство зерновых возрастет в 2,5 раза, стали впятеро – нет, мало, Мао на ходу потребовал в 10 раз за год с 1958 по 1959; литературных произведений – в десятки раз за одну пятилетку 1958-1962 годов. Причём по замыслу вождя следовало отменить и деньги, и товарное производство, и товарообмен, который он предлагал прежде, и вернуться к натуральному хозяйству. Ныне люди должны были получать не зарплату и не по труду, а работать на износ за кормёжку в коммунах.

Мао потребовал ликвидировать в армии звания и ранги, армию заставить работать в сельском хозяйстве, промышленности и ремёслах, всё общество военизировать, а госслужащих пересадить с оклада на паёк. «Будет лучше, – утверждал он, – если рабочие и служащие будут жить в общих домах. Большие общие дома лучше, чем квартиры. Каждая коммуна построит себе шоссе, бетонную, асфальтированную дорогу. Если дорога не будет обсажена деревьями, тогда на ней могут разместиться и самолёты. Вот готов и аэродром. В будущем каждая провинция будет иметь сто-двести самолётов, в среднем по два на каждый район»².

По всему, что произошло, несомненно, что не разработка нового курса во благо страны стала причиной смещения Чжоу и резкого разворота политики Мао, а зашатавшаяся личная

² А.А. Жемчугов. [Китайская головоломка](#).

власть Мао, не выдержавшая и начальной конкуренции с преобразованиями Чжоу. Важно было только то, чтобы величие перспектив шло от Мао, не от Чжоу и его сторонников. И ничего кроме броских лозунгов за этим разворотом не было и не появилось даже в критической ситуации.

Всё то же можно и нужно было сделать иначе, но Мао знал, идея коллективного убийства понравится многим и круговая порука сплотит перешедших черту. Обобществление земли происходило с показательным третинованием помещика, старосты и священника, в котором все должны были участвовать и заводить себя на истерию, преодолевая веками существовавшие запреты на насилие. Дело было не в жертве, судьба этого человека предрешена – или толпа его забьёт, или расстреляют. Дело было в толпе, которую таким образом обезчеловечивали. И конечно, вечный друг авантюристов и захватчиков – хватательный рефлекс. На общем сходе все крестьяне единогласно проголосуют за обобществление земли помещика в коммуну и не заподозрят, что следующим шагом коммунисты отберут землю у всех, даже у бедноты, лишат их домов и всякой собственности, обрекут всех... но это будет дальше, а пока рефлекторно мыслящая толпа толпа бьётся в истерическом накале и неспособна думать. Кадры из документального фильма «[Две жизни председателя Мао](#)»

Личные хозяйства и наделы были обобществлены, то есть изъяты. Крестьяне и даже горожане-рабочие были согнаны из своих домов в казармы, лишены имущества и частной жизни. Они работали по армейскому принципу, а практически на положении заключённых, не имея в жизни ничего кроме минимума бытовых хлопот (дети жили рядом в коммуне-детдоме): «боритесь за каждую минуту и секунду ночью и днем, в солнце и дождь», «ешь и спи на полях и борись день и ночь», «работай, как муравей,двигающий гору»; «не оставляй поле боя, не победив врага»³ (то есть даже спи на рабочем месте, не трать время на себя лично). Коммуны были одновременно армией, они были разбиты на отряды и проходили военную подготовку. Деньги были отменены и заменены трудоднями, но их едва хватало на то, чтобы поддержать жизнь. Кормили всегда одним и тем же – супом или рисом с соусом, полной порцией за выполненную норму и частичной за невыполненную, поэтому более сильные приписывали более слабым часть своего труда.

³ Ф.М. Бурлацкий. [Мао Цзэдун и его наследники](#).

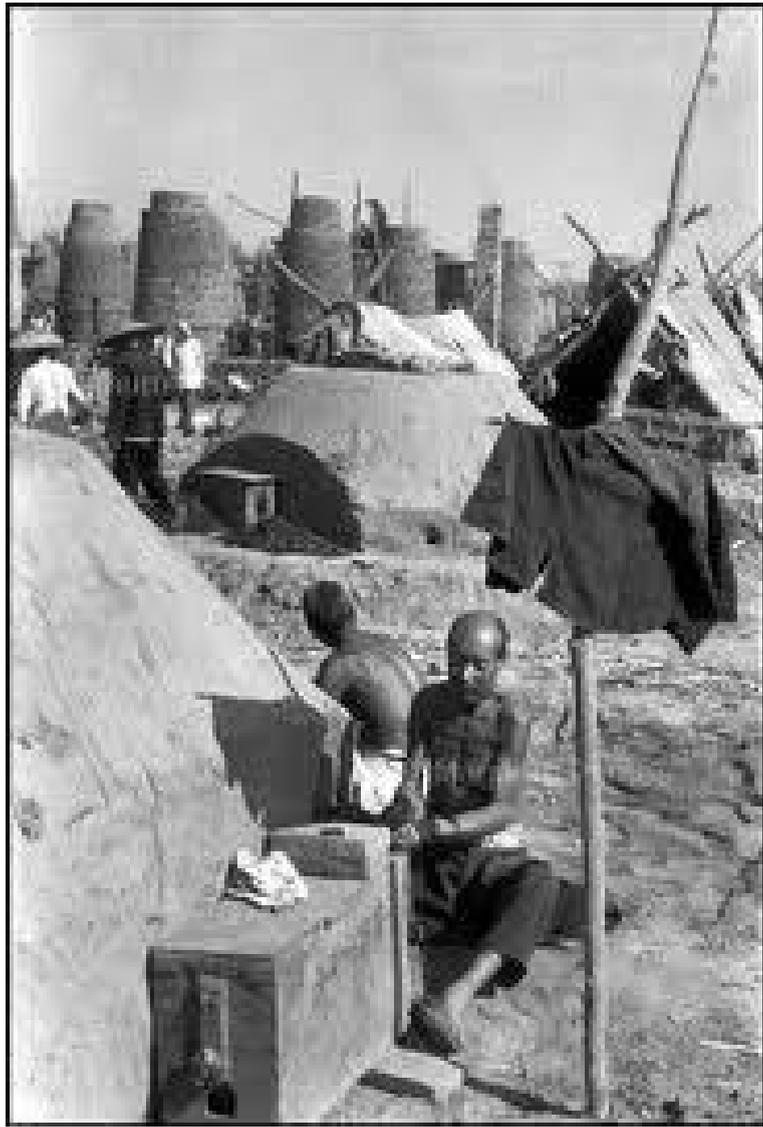
Результат Большого скачка. Жители китайского города Ханькоу стоят в [очереди](#) к пункту раздачи еды, 1959 год. Фото: Keystone Features / Getty Images

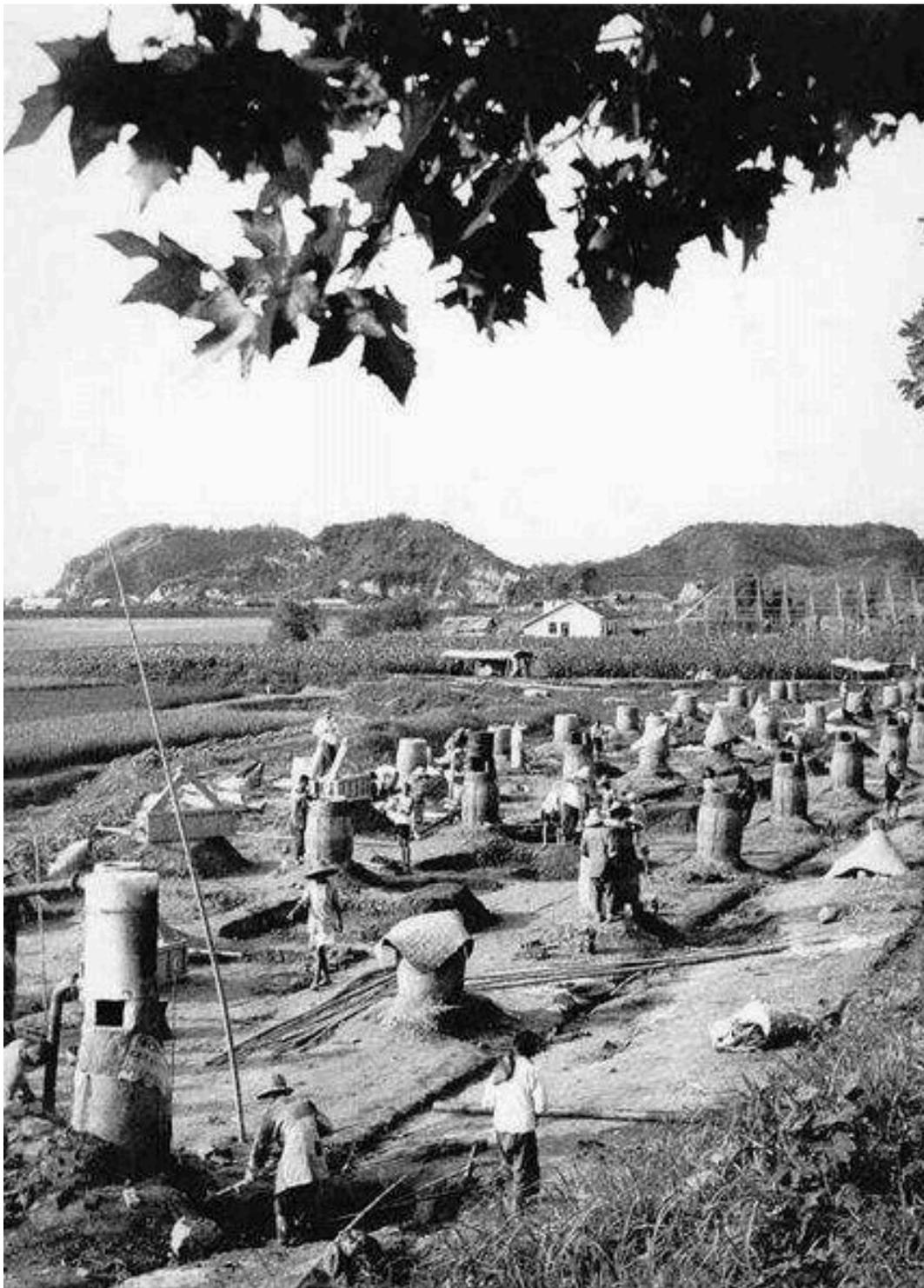

[Беженцы](#) от лихолетья, китайские дети в Гонконге собирают мусор, чтобы использовать как топливо. 1955 год. Фото: Three Lions / Getty Images

Помимо основного труда – полевых работ, коммунары были обязаны сдать по мешку крыс, воробьёв, по коробке мух и комаров от семьи в обязательном порядке. Заниматься политпросвещением. Варить «домашнюю» сталь в маленьких глиняных печах на дровах – о правильном устройстве домен и металлургического техпроцесса крестьянам узнать было негде, да и знали бы – построить их подручными средствами не было возможности. Их модернизировали на ходу, по мере узнавания технологии наощупь, сами налаживали и добычу угля или добивались его поставок; в результате стало остро не хватать топлива электростанциям, появились перебои с электроэнергией и в городах остановилась лёгкая промышленность.

Агротехнологии были внедрены принудительно худшие, тоже не добавляющие успеха. Я же сам селекционер, мир гордился результатами моих питомцев Пустовойта, Мичурина и других, а в Китае у меня перед глазами губили землю и урожай, лишь бы не по-моему, а по-лысенковски (Лысенко вёл Аану). Он придумал пахать землю на 1-2 м в глубину и заваливать зерном. Конечно, это привело и к порче земли, и к неурожаю, а случившийся разлив Янцзы вымыл почву.

«Несколько лет упорного труда – десять тысяч лет счастья!» За вторую пятилетку было намечено увеличить валовое производство в сельском хозяйстве в 2,5 раза, в промышленности в 6,5 раза, в электроэнергетике в 12,4 раза, в производстве цемента в 10 раз. И построить 5 000 крупных промышленных предприятий. То есть среднегодовой прирост должен был составить 20 % в сельскохозяйственном производстве, 45 % в промышленности в целом, а в металлургии планировалось за год сделать рывок на 1 000 %. За счёт чего? За счёт таких же домашних доменных печей, какие были в вопиюще отсталом Китае начала века. К концу 1958 года коммунары выстроили их 700 000 и занято было ими около 100 миллионов человек. Эта «сталелитейная индустрия» давала чугун предельно низкого качества, непригодный к производству изделий

Один из важных принципов деструктивных богов – занять людей пустым и не дать делать нужное, сместить акценты человечности, достоинства, здравости. Не все понимали, каким окажется результат, но всем было неловко от странного занятия – уничтожения птиц. [Воробьёв](#) объявили врагами. Всем селом выходили в сад или поле или городским районом в парк, размахивали палками, гремели кастрюлями, пугая, не давая им сесть, пока те не падали в изнеможении. Такие связки складывали в мешки, была норма сдачи, как в СССР норма сдачи металлолома и макулатуры. Только без металлолома и бумаг земля становилась чище, а без воробышков и в саду пусто, и в сердце. Что и было важнее – опустошить сердца, сломать человечность

Оно бы и – им виднее; раз отстранили Чжоу, пусть делают своё. Только абсурд, наслаиваясь на абсурд, стремительно создавал национальную катастрофу. Задуманные Мао коммуны заняли мужчин домашней металлургией, сельское хозяйство было сброшено на технически неоснащённые женские и детские плечи, словно в военные годы, и под бичом бездумного и некомпетентного правления стремительно пошло не к расцвету, а к полной деградации. Производительность труда катастрофически падала, о качестве бесполезно и говорить. Кустарная металлургия давала непригодный к дальнейшей переработке чугун, убыток от этого «скачка металлургии» составил два миллиарда юаней. Множество строек было начато и брошено. Поля стояли по сути заброшенными и это привело к ожидаемому неурожаю. Измождённые и совершенно несчастные люди где-то роптали, где-то понимали: бесполезно, этой власти нельзя возражать, она отстреливает возражающих. Страна превратилась в концлагерь. Все понимали: если не будут приняты немедленные меры, грядёт голодный год. Но меры не были приняты и голод наступил.

Землю отняли, трудоспособных согнали в коммуны. Старики и дети остались без средств к существованию. Сельсовет ничем не мог помочь – им полагалось довольствие, но такое мизерное, что выжить на него было нельзя – аналог 200 г хлеба в сутки на человека. Кто-то уходил побираться, но кто им мог подать? Кто-то шёл в поле собирать, что найдёт, но не находили съестного в заброшенных полях и однажды падали прямо на дороге и умирали. Их тихо убирали – сами недалеко от смерти ходили все. Кадры из документального фильма [«Две жизни председателя Мао»](#)

Урожай 1958 года был ещё не таким плохим, хотя спорить с властью было опасно и руководители предпочитали писать бравурные рапорты о выполнении и перевыполнении планов независимо от реалий. В 1959 и 1960-м годах погода привела к неурожаю, большой разлив Янцзы погубил поля и два миллиона человек. Поля, которыми некому было заниматься, сами собой едва родили, перебитые воробьи не защитили поля от насекомых, и результат был плачевным. От насекомых, и не только поедающих урожай, но лезущих в дома, волосы, тарелки не было спасения, сады были оплетены паутиной. Чтобы хоть как-то прикрыть провал с урожаем, местные власти сдали государству то, что полагалось для пропитания коммунарам.

И советские руководители стали всё настойчивее выражать недоумение политикой Мао, не-продвижением предприятий, которые строили советские специалисты по договорам, заключённым с Чжоу, и многим другим. Почему всё остановилось? Почему руководители Китая уходят от ответов о том, что меняется в стране, а многие исчезли со своих постов? У вас репрессии? О голоде не спрашивали – никто не знал. Мао отвечал прямо и грубо, что Китай придерживается не марксизма-ленинизма, а собственного маоистского, националистического пути, и что их дело – помогать, а не указывать, и прекратил отношения с соседом, от которого так зависел Китай. Остановились помощь, строительство, а голод, спланированный «Великим скачком», набирал обороты. Великий голод конца 1950-х – начала 1960-х унёс 36 миллионов жизней.

Доверие к коммунистам было подорвано даже у тех немногих, у кого оно было, осталась покорность из безвыходности. Мао предстояло за это ответить на VIII съезде партии – ради того, чтобы избежать настоящих выборов, Мао его оттягивал 11 лет, а теперь не избежал. На съезде прозвучала самая нелицеприятная критика методов Мао, его головотяпских лозунгов и планов, не имеющих ничего общего с марксизмом-ленинизмом и приведших к катастрофе, а также развёрнутого им и его женой культа личности Мао, за которым уже не видно ни реалий страны, ни народа, ни коллег-руководителей, один только Мао, Мао, Мао.

В обычай вошли такие [манифестации](#). Любой здравый человек сказал бы, что это море его стыда, и потребовал прекратить, а Аану не знал, как ему вернуться ко временам своего императорства, когда его обожествляли и всё вертелось вокруг его на все лады благословляемой персоны. Он мог ничего не делать для народа или обрушивать на его голову любое зло – народ обязан был обожествлять и благословлять. Во времена вездомого Мао это достигалось таким образом и Аану не считал это ложным или лишним

Это было что-то маниакальное. Вслед за Сталиным, чьи портреты и цитаты всюду в СССР, Мао наводнил Китай красными транспарантами и своими портретами. Культ личности Мао отличался от культа личности Ленина и Сталина только меньшей обоснованностью претензий и большим размахом. После войны советские в Китае построили железнодорожную ветку и при её открытии поверх кабины праздничного поезда, поверх обзора машиниста партийцы установили огромный портрет Мао. Построили советские, пожать лавры спешил Мао. И в СССР, и в Китае эта мания величия раздувалась обоими, и Аану, и Фрейей – через неё очень удобно управлять и даже помыкать. Кадр из документального фильма «[Две жизни председателя Мао](#)»

В Китае символика очень важна, это традиционно для Аану. [В лучах](#) можно было изображать только императора, солнце нации, но Аану не видел ничего избыточного или неуместного, что так изображают его ведомого, то есть по сути его. Тем хуже для людей, которых это шокировало. Теперь обожествляли пролетарского председателя Мао

Во Вьетнаме после первой вьетнамской войны тоже первым делом построили железную дорогу и на её открытии, не закрывая машинисту обзора, украсили кабину портретом Хо, и он сам стоял рядом с портретом. Всё как у великого брата! Я бранил его на чём свет, но

портреты Хо пошли тоже по кабинетам всех руководителей, и кабинеты пошли, и бюрократия, а позже и коррупция. Я раньше уже знал, что Хо под колпаком у Фрейи, но не думал, что дело так далеко зашло. Кадр из документального фильма «Индокитай. Народная война в цвете», [часть 1](#)

На VIII съезде КПК Мао сняли со всех руководящих постов. Государство возглавил я с Лю Шаоци и его советником Дэн Сяопином – как всегда, разбирать завалы предоставляют мне и это приходится делать, разрушенной экономике и гибнущим от голода людям не до наших счётов. Из-за дутых цифр в отчётах, в разы превышающих реалии, понять истинное положение дел было невозможно. За рубежом подсчитали, что «Великий скачок» Мао обошёлся Китаю в 70 миллиардов долларов убытка. Мы остановили «Великий скачок», потихоньку, без кампанейщины распустили коммуны, позволили людям вернуться в свои дома – а дома снесены, чтобы из их материала строить казармы. Зерно закупили в Канаде и Австралии, но люди ведь погибли. Никто не считал, сколько. Полагают, что миллионов 36-40, а всего в эксперименте с коммунами было занято 500 миллионов человек. Отменили стальную повинность, вернули людям их прежние земельные наделы, разрешили мелкую торговлю, ослабили цензуру, которая уже не оставила в печати ничего кроме истерического восхваления Великого кормчего – и страна быстро вздохнула.

Контраст с тем, что делал Мао, был слишком велик и Мао не мог оставить это без реакции. Мы ничего не успели, только ослабили оковы. Лю и Дэн были обвинены в подрыве социалистической идеи, провале «Большого скачка», в том, что они «агенты капитализма» и упрятаны за решётку вместе с семьями. Лю погиб под пытками, искалеченный Дэн выжил, а его семья погибла. Маршал Пэн Дэхуай, выступивший с критикой, потерял все посты и вскоре погиб в репрессиях, как и многие руководители среднего и низшего звена, знавшие истинное положение дел – и обвинённые в том, что они «переусердствовали». Вскоре за ним последовал и Лю Шаоци, пытавшийся защитить Пэн Дэхуая. Мао все свои посты сохранил.

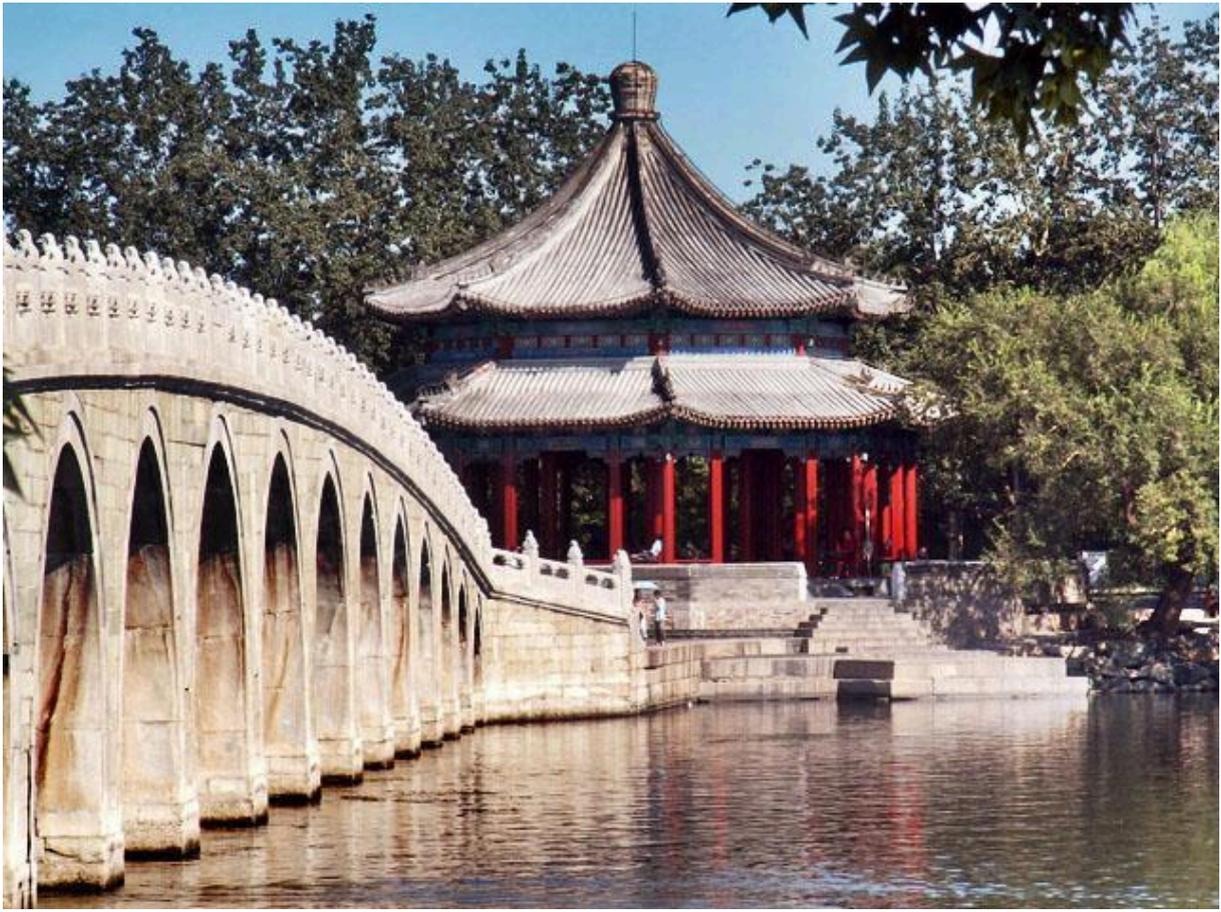
Понял ли Мао, что натворил? Притормозил ли он на деле? Нет, и не было нужды. Только что его резко критиковали и избрали Лю – и тут же зал зашёл громом оваций Мао, не Лю. Нездоровых и иллогичных, внушённых оваций, но зал был покорен.

Когда отдышались от корейской войны, маоистский Китай стал постреливать: в августе 1958 по Тайваню, весной 1959 по Индии. Осенью 1962, в момент Карибского кризиса между СССР и США, когда благодаря глупости Кеннеди мир завис на волоске от атомной войны, Мао выступил с серией подстрекательских заявлений и под шумок, пока взгляды мира были прикованы к Кубе, снова стал постреливать по Индии. Он явно искал новой войны, новых жертв – сам или под внушением Фрейи, это уже их внутренний вопрос. Фрейя была рядом и ковала своё железо, пока оно горячо. Не вышло развязать войну – Мао ни с того ни с сего испортил отношения с Советским Союзом так, что прекратились дипломатические отношения, и предъявил претензии на 1,5 млн. кв. км советской территории. Пошли провокации на границе с СССР, окончательно остановились важные советско-китайские стройки, участие Китая в международных исследовательских проектах и спортивных состязаниях. Не вышло и это. Советское правительство погасило конфликт.

Понимал ли он ещё, что творит? Да и что кроме интриг он мог понимать с тех пор, как с ним была Цин Цзянь? Своё главенство. Свои удобства. Она окружала его заботой и классической музыкой, словно нянюшка, зажигала ему сигареты, укрывала ноги пледом... Не как служанка – слуги были, она обволакивала его собой, отделяла от остального мира и демонстрировала миру, как следует относиться к светочу нации. Говорить же о развитии от Аану не приходилось никогда. Будучи человеком далеко не заурядного ума во внутреннем размышлении, навне он всегда проводил политику примитивизации и даже деградации общества. Вёл ли он Геродота, Плутарха, аль Газали или Мао, это всегда была изолганная история, примитивизированная до баек, которыми Аану её подменял, и такая же политика, но с большими и продуманными последствиями.

До поры Цин Цзян была женщиной рядом и ближней советчицей. Поначалу предпринимала выходки вроде прихода в заседания Госсовета с тем, чтобы объявить, что она и товарищ Мао теперь спят вместе и что у неё будет ребёнок. От Мао, женатого на соратнице, лечившей раны в Москве, матери его пятерых детей. За эти вульгарные выходки и контроль, взятый ею над Мао, его встречами и перепиской, включая секретную, за попытки указывать политикам, что им следует делать, её терпеть не могли; впрочем, и предыдущие жёны Мао поступали не намного лучше. В отличие от них Цин Цзян умела проложить Мао дорогу локотками, и вскоре именно он, неуважаемый, снова стал первым лицом государства.

Избавившись от Цзяна Цзеши, пролетарские лидеры Мао Цзэдун и Цин Цзян поселились без стеснения в Обители Вечности – императорском [дворце](#), комплексе, который занимал всю гору над рекой. Это был город в городе со всеми полагающимися павильонами, парком, прудом, беседками, [мостиками](#), [причалами](#). У Мао появился большой штат слуг и охраны, вплоть до того, что его мыли, одевали, за ним следовали по парку и где он пожелает оправиться, выкапывали для него ямку. И Мао, гуляющий и позирующий в своём императорском парке – это кадры из фильма «[Две жизни председателя Мао](#)». Это вызвало шок в руководстве Китая, и Мао пришлось покинуть дворец. Переехал он со всем штатом в пещеру под Пекином, оборудованную, электрифицированную, телефонизированную, всё такой же оберегаемый. Говорил – ему так привычнее, ведь много лет войны провёл в пещерах, на самом деле знал, что передышку от гипноза получит только в пещере. Только как он мог её получить, если Фрейя была с ним и там?

Однако на первом лице сходит ответственность за то, что годы социализма протекли, а кроме политики «отнять и разделить» – конфисковать собственность и землю – после первой пятилетки ничего не было сделано и страна пошла к ещё худшему упадку, чем в военное лихолетье. Зато незамедлительно от основания КНР Мао повёл чистки и масштабные репрессии за «контрреволюционную деятельность». Число казнённых только в 1951 году оценивается от 1–3 миллионов до 10–15 миллионов человек⁴. Не считая расстрела пленных гоминьдановцев – это в отдельный счёт. Причём это были далеко не только представители бывших господствующих классов, но полетели головы прогрессивно настроенной интеллигенции и партийных кадров, не согласных с линией Мао. Осенью 1951 года Мао поднял вторую волну чжэнфын – движения за идеологическое перевоспитание интеллигенции, означающее публичные покаяния, уничижительную самокритику, а по сути шельмование тех, кто смел усомниться в правильности действий Мао. Он дал всем движущим силам общества почувствовать себя как минимум стреноженными, а тем, кто попал в зону его внимания – трепещущими заложниками.

⁴ Ф.М. Бурлацкий. [Мао Цзэдун и его наследники](#).

Критики линии Мао Цзэдуна, ближайшие и довереннейшие соратники Мао министр обороны КНР маршал Пэн Дэхуай (первый слева) и бывший Генеральный секретарь КПК Ло Фу кланяются «революционным массам» на «митинге критики и борьбы». В таком наклонном положении нужно было простоять несколько часов, каясь, в чём только придумаешь, принимая любую критику, гнев, оскорбления и в душе молясь всем богам, чтобы толпа не ринулась наказывать телесно, потому что начиналось соревнование в том, кто поглумится хуже и заканчивалось тяжёлыми увечьями или гибелью жертвы. 26 июля 1967 года. Это их последний снимок перед расстрелом

В то же время была отброшена новая, Лю и Дэна линия партии на постепенное образование кооперативов и они были образованы принудительно и срочно, по приказу Мао. Конечно, это вызвало молчаливое (не всегда) разочарование селян и резкое снижение производительности их труда. Аналогично, из-за насильственной реорганизации промышленности, не учитывающей интересы производителей, резко пошла снижаться производительность труда промышленных рабочих, и великолепный старт первой пятилетки смялся.

Всё громче стали шириться голоса, вопрошающие Мао, что же он делает на высшем посту и почему несмотря на гигантскую помощь СССР деньгами, техникой, специалистами – Чжоу он перевёл на другую работу и от самого Мао нет позитивных сдвигов. КНР самоизолировалась от мира, но слухи просачивались о том, что Тайвань с Цзян Цзешу поднялся за те же годы и жизнь улучшилась, несмотря на ограниченные возможности, блокаду материкового Китая и огромные траты на армию, поскольку материковый Китай готовился добить Цзяна.

Мао объявил политику либерализации страны, допустимости критики партии: «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». На деле он подразумевал выявление несогласных для последующих репрессий – и не ожидал получить такой шквал самой

нелицеприятной критики, с которым непросто будет справиться даже репрессиями; они последовали с завинчиванием обществу гаек, но общество продолжало гневно вопрошать, и 520 000 жертв кампании «ста цветов» не остановили протеста.

Кампания «ста цветов» длилась месяц. В центральной партийной печати можно было высказаться открыто. Затем, 1 июля 1957, в «Жэньминь жибао» появилась всё прояснившая статья, написанная Цин Цзян под диктовку Фрейи, именитого идеолога, со всеми её веками известными оборотами: «За период с 8 мая по 7 июня наша газета и вся партийная печать по указанию ЦК почти не выступали против неправильных взглядов, которые высказывались публично. Это было сделано для того, чтобы... ядовитые травы могли разрастись пышно-пышно и народ увидел бы всё это и содрогнулся, поразившись, что в мире ещё существуют такие явления, чтобы народ своими руками уничтожил всю эту мерзость... Чтобы дать возможность буржуазии и буржуазной интеллигенции развязать эту войну, газеты в течение определённого времени либо совсем не помещали, либо помещали очень немногие положительные высказывания и не наносили ответного удара по буржуазным правым элементам, перешедшим в бешеное наступление... А теперь реакционные классовые враги попали в ловушку... Некоторые говорят, что это тайные замыслы. Мы говорим, что это открытые замыслы, ведь мы заранее сказали врагам: тёмные силы можно уничтожить, лишь выманив их из засады, и ведь ядовитую траву удобнее выполоть, если дать ей прорасти... Выполотые же сорняки можно использовать как удобрение»⁵.

Те, кто поверил новой линии партии, жестоко попались именно в ту ловушку, о которой партия убеждала, что её нет, есть искренняя свобода выражения мнений. На ближайшем пленуме ЦК ведущие фигуры противостоящей Мао группировки были вытеснены из ЦК и расстреляны как враги генеральной линии партии. Как?! – всё так же, он эксплуатировал дар гипноза бесконечно и с тем не знал преград: «хочу и буду». В качестве сорной травы выкашивались профессионалы, мыслители и книги, лучшие книги всех времён Поднебесной. Всё, откуда можно было бы узнать о том, как должно быть в стране по-настоящему, что не так и как исправить. Нацию ослепляли ещё не впрямую, но готовили к полному ослеплению. Громкие и устрашающие разоблачительные процессы катились по Поднебесной всё время властвования Мао, но раздавить оппозицию окончательно ему так и не удалось.

⁵ Ф.М. Бурлацкий. [Мао Цзэдун и его наследники](#).

«Красная императрица» министр культуры КНР Цин Цзян (в центре), Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай (старенький рядом с ней) в 1972 году. Идёт культурная революция. Все улыбаются, все довольны. Кто недоволен?!

Дабы укрепить свои позиции, в середине 1950-х Мао протаскивает Цин Цзян в министры культуры и депутаты Всекитайского собрания. Она разворачивает бурную деятельность, которая внешне кажется головоутием, однако нужно совсем не знать Фрейю, чтобы так подумать. Резко меняется театральный репертуар, срочно ставятся бездарные революционные спектакли, прославляющие вклад Мао в революцию и процветание Китая. Она создаёт культ личности Мао такой, что вскоре кроме фамилии Мао не остаётся имён в истории революции и чуть ли не в истории Китая, а заодно сама Цин Цзян, которую до сих пор не включали на культурологических мероприятиях даже в число гостей, становится выдающимся деятелем культуры. Из 1300 спектаклей репертуара пекинских театров на сцене остаются восемь новых, ультракоммунистических. Отказ идти на «её» (присвоенного ею авторства) спектакли расцениваются как контрреволюционный выпад. «Кто не согласен со мной?!» Деятели культуры и общество протестуют, она организует такую травлю несогласным, выступившим в ходе кампании «Ста цветов» и в ходе реорганизации культуры, что многие лишаются работы и их больше никуда не принимают, кого-то отправляют в места отдалённые на «перевоспитание» тяжёлым и грубым трудом (на каторгу – разумеется, без права продолжать литературную работу и общественную деятельность и даже без возможности общаться с теми, кто ещё на свободе); многим приходится покончить с собой, чтобы защитить от репрессий семьи. Оставшиеся вынуждены или принять крест мучеников за веру, или покориться, но покорившихся ситуации и желающих остаться в обьеме Цин Цзян любой ценой оказалось не так много. Вопрос встал ребром: либо Мао и его жена свернут толпу в бараний рог, либо им не поздоровится.

Хунвейбинки на пуантах. [Сцена](#) из революционного спектакля. Авторство приписывается Цин Цзян

«Мы – красные охранники Председателя Мао, мы заставляем страну корчиться в судорогах. Мы рвём и уничтожаем календари, драгоценные вазы, пластинки из США и Англии, амулеты, старинные рисунки и возвышаем над всем этим портрет Председателя Мао» (из манифеста хунвейбинов = «красных охранников»). Обожествление. [Мао](#) на портретах в офисах и в домах, на значках на груди у каждого и на велосипедных значках, на чайных коробках, будильниках, календарях. В безделушках на домашних алтариках вместо былых статуэток Будды, в окружении рушников, на которых вышиты изречения Великого кормчего. Это политика или религия? А велика ли разница? Это идеология, причём в вариантах деструктивной партии всегда принудительная, одурманивающая идеология выживания в мимикрии

С этим крайние левые Мао и Цин Цзян вернули себе всю полноту власти и приступили к действию невиданного размаха – они создали опричнину совершенно такую, как делал Аану в 16 веке руками Ивана IV на Руси, когда привилегии старой элиты, с которой нужно было, а

не хотелось считаться, Иван передал людям всяким подряд по принципу личной собачьей преданности. Им было вменено в обязанность, протащив через всемыслимые пытки и унижения, «стрелять и вешать, вешать и стрелять» всех заподозренных в неверности государю, а в вознаграждение за неприятную работу дано было право присваивать имущество и земли казнённых бояр. Разумеется, тут же все кто побогаче были объявлены неверными, и разгул насилия ликвидировал элиту и опустошил Русь в считанные годы. Этот опыт был повторён в Китае с той поправкой, что громили «врага» совершенно бескорыстно, громили так, чтобы и осколков никто не собрал, а решимости к кровавой работе придавали всё тем же без меры эксплуатируемым массовым гипнозом. В унисон с занимаемой Цин должностью это называлось теперь «Культурной революцией» – акцией протеста молодёжи против старой культуры и тех, кто её проводит, против тех руководителей, которые удерживают связь между традициями и современностью вместо того, чтобы просто разрушить, а дальше Великий кормчий знает, что делать. Не зря же важнейший коммунистический гимн –

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а *затем*
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем

Интернационал,

а в просторечии –

Не баба – зверь,
Она теперь
Вершит делами революции культурной.

Юлиан и Владимир Высоцкий

Причём это была уже вторая опричнина. Первую они создали, когда маоистские реформы 1950-х дали результат, повергший народ в растерянность и ропот. Тогда Мао пришёл в казарму ближайшей части, поговорил с солдатами запросто, «за жизнь» и попросил каждого привезти из дома, из деревни надёжного товарища для новой, особой части. Парни приехали, прошли обучение в специально созданной школе, она называлась вечерней школой, но давала военное образование; выпуск за выпуском разъезжался по стране для компетентного сбора информации о реальной ситуации и настроениях на местах; так была создана структура внутренней разведки, институт сексотов (секретных сотрудников) и спецпорученцев, подчинённый лично Мао/Аану.

И не случайна связь: доминиканцы, КГБ средневековья, называли себя псами Господними; русские опричники, полностью повторившие их устав, отличались собачьей преданностью царю и возили в знак преданности собачью голову у седла. Цин Цзян на суде, увенчавшем её карьеру, настаивала на том, что она не более чем сторожевая собака Мао и рвала тех, на кого он ей указывал.

Мао и Линь Бяо. Кадр из документального фильма «[Две жизни председателя Мао](#)»

Линь Бяо с женой Е Цюнь, она тоже сделала очень высокую партийную карьеру. Кадр из документального фильма «[Две жизни председателя Мао](#)»

Не случайна и реорганизация армии, в которой профессионалов заменили преданнейшими лично Мао «сторожевыми псами», – Линь Бяо и другими личными охранниками Мао, словно сказали: а зачем нам техника и профессионализм, идеи великого Председателя нам лучший щит. На маоизации армии Линь Бяо сделал головокружительную карьеру и в 1965 году уже был четвёртым лицом в государстве, и какая разница, что при этом произошло со страной, и не только с её обороноспособностью? И отменил воинские звания и отличия, пусть никто никому не приказывает, только комиссары/хунвейбины. Само собой понятно, такая армия – цербер внутри страны и мясо на убой для любого внешнего врага. (Однако то, что Линь Бяо страдал чахоткой, говорит мне о совсем другом – его не вела, волокла Фрейя, он сопротивлялся, как только мог, и ничего не мог поделать с её неумолимой силой; таких людей она обычно награждала орденом чахотки. Но и то, что чахотка отступила, а Линь Бяо стремительно пошёл в гору, говорит мне, что они поладили.)

Не случайна и мгновенно поднявшаяся волна культурной революции на местах, причём такая синхронная, что в разных уголках страны воззвания хунвейбинов были написаны словно под копирку. Во главе всех отрядов стояла сеть тех самых агентов-информаторов, прошедших подготовку и подвластных только лично Мао, отсюда слаженность и дисциплина мальчишек и девчонок, дебоширивших ровно столько и так, как им приказывал их руководитель.

Чего не отнять ни от Фрейи, ни от Цин Цзян, так это умения перевоплощаться. Снимком выше мы видели её «красной императрицей», здесь она чернокостная пролетарка в показательной, аскетической бедности. Это члены второй, маоистской [группы](#) по делам культурной революции. Слева направо: жена Мао Цин Цзян, его личный секретарь Чэнь Бода, Кан Шэн – глава «спецгруппы по расследованию при ЦК КПК», «палач

партии», и Чжан Чуньцяо – организаторы, вдохновители и воплоители культурной революции

Реклама – двигатель прогресса. Всякую поездку, всякий шаг эта чета превращала в рекламную шумиху, создавая культовый образ и собственно культ обожаемого, обожествляемого вождя. Здесь – [при посещении старой крепости](#), одной из многих на севере Китая, где когда-то воевал Мао. Они всё такие же неприхотливые партизаны и живут так же скудно, как весь их народ. Когда личный шофер привезёт их домой, красная императрица переоденется в вечерний туалет, наденет что-нибудь из горы своих бриллиантов – единственное, что она любит – и проведёт вечер в узком кругу так, как ей привычно и как не будет знать ни один китаец, и горничная будет уверена, что это стекляшки

В ноябре 1965 протест против действий Мао и его клики достиг такого накала, что Мао и его ближайшие бежали в Шанхай, а я с Лю Шаоци, Дэн Сяопином и Чжоу Эньлаем вышел из полуподпольного положения в загородной резиденции и принялся за упорядочение дел. Однако армия заняла Пекинский горком партии; председатель горкома Пэнь Чжэнь руководил в те дни из дома под охраной полиции – так раскололась не только партия, но и силовая структура. Войска взяли силой горком, СМИ, Пекин; всю нашу группировку не допустили на 11-й пленум ЦК КПК, который мы собирали (1-12 августа 1966), зато туда попали хунвейбины, и вместо объявления нами курса партии на развитие пленум прошёл в обстановке совершенной секретности, объявил о попытке установления нами буржуазной диктатуры и выкрикнул лозунг Мао «огонь по штабам!». Под штабом подразумевался ни более ни менее как ЦК партии, Генеральным секретарём которой был мой Дэн Сяопин. Наших исключили из Политбюро и Секретариата ЦК КПК и приняли постановление о «великой пролетарской культурной революции».

[Великий кормчий](#) приветствует хунвейбинов с Ворот небесного спокойствия на митинге на площади Тяньаньмэнь, на нём отличительная повязка хунвейбина, «повязка № 1». «Этот митинг был снят на плёнку. Фильм, основанный на этом событии, показывали в Китае и за рубежом. Зарубежные зрители были потрясены фильмом. Его сравнивали с фашистским фильмом такого же накала – «Торжество воли» – о Гитлере в Нюрнберге.

Мао Цзэдун шёл медленно, держась за руку десятилетней девочки; движения его казались скованными. Он вышел вперёд и заговорил о создании нового союза людей – союза бессмертия мужчин, женщин и детей, вступающих в вечно революционный процесс. Многие представители Запада присутствовали на последовавшей за этим демонстрации детей от 13 лет и старше. Дети были экзальтированы, наэлектризованы, возбуждены. Западные обозреватели более или менее единодушно полагают, что организация хунвейбинов была запланирована и вылеплена опытными скульпторами заблаговременно. Но для простых китайцев возникновение этой организации было преподнесено как результат революционного творчества масс. Через каких-то несколько дней сотни тысяч юных участников организации буквально наводнили всю страну, объявив беспощадную войну «старому миру». С 18 августа по 26 ноября 1966 г. в Пекине состоялось восемь массовых митингов хунвейбинов с участием Мао Цзэдуна, на которых присутствовало около 11 млн. человек⁶. На нижнем снимке [хунвейбины с учителями](#) горячо приветствуют Председателя Мао на местном митинге в одной из коммун

Военные вторглись даже в Госсовет и подменили собой снимаемых министров ключевых отраслей. В споре конструктивных и деструктивных сил победила армия. Линь Бяо, «дельфин Мао» стал единственным заместителем Мао и вторым лицом в государстве. Мао вышел на площадь, на митинг хунвейбинов, принял от них красную головную повязку с надписью «хунвейбин» и вскинул приветственную руку, как Гитлер – это заряжает толпу и маниакально честолюбивого Аану.

Первоначально «группа по делам культурной революции» возникла для противостояния происходящему, но очень быстро была сметена и люди её расстреляны и заменены другой группой с таким же названием, но действующей под началом самого Мао. Формально культурная революция идёт с 1966, от обнародования «Директивы 16.05» ЦК КПК от 16 мая 1966 года о курсе на разгром «представителей буржуазии», фактически разгром начался с самого назначения Цин Цзян министром в 1956-м. С 1966 же года, формально Чэнь Бода возглавил Группу по делам Культурной революции при ЦК КПК, подотчётную только Мао, фактически всем руководила Цин Цзян.

⁶ Ф.М. Бурлацкий. [Мао Цзэдун и его наследники](#).

Приветственная, напутственная речь и руки, воздетые в благословении от имени высших сил. В этом патриарх всех церквей Аану в своей стихии. Дети, даже не подозревающие о том, что с ними делают, впадают в экстаз борьбы с мировым злом до конца. С этой площади они уйдут на подвиг своей жизни окрылённые тем, что видели Великого и он их благословил, и цитатники Мао – их молитвенники. Всё остальное до них дойдёт потом, частично и слишком поздно. Они никогда не узнают, что были просто громилами в руке авантюриста, соучастниками преступления века. Кадры из документального фильма [«Две жизни председателя Мао»](#)

Казалось бы, Мао победил в этом государственном перевороте, но Запад сразу отметил, что он заплатил за эту победу слишком дорого и звезда его пошла на закат. Чьи позиции продолжали крепнуть? Линь Бяо – Фрейя. Он перестал болеть и значит, стал её несопротивляющимся, осозанным орудием. Он взял власть формально для Мао, а фактически? Прошедший в апреле 1969 года IX съезд КПК обожествил Мао, и он за утешением честолюбия не заметил, что стал только ширмой. Фрейя перенесла ставку с него на Линя и Мао больше не нужен, теперь Линь будет жить, а годы Мао ограничены временем, пока нужна ширма. Увидев беду свершившейся, Мао резко расширил состав ЦК и кандидатов в члены ЦК, но эти кандидаты с мест оказались рекомендованными военными, а не хунвейбинами. И не Цин Цзян оказалась ключом китайской заводной игрушки, а Е Цюнь, супруга Линь Бяо, тоже немедленно введённая в Политбюро, а их сын Линь Лиго уже был зам. начальника Генштаба ВВС: отец на государственном руководстве, сын на армии, мать на «церкви».

Мао по-прежнему пил и не мог напиться зрелищем площади, детей в белых блузках под алыми знамёнами, сменяющихся толпами военных мальчишек и девчонок с алыми цитатниками – детей, сгорающих в экстатической любви к нему, великому солнцу китайского народа, благословению нации. Фрейя предоставила ему то, чего он хотел, и зачем ему знать, что он заряжает детей на погромы не для себя, для неё, он – её инструмент и щит, как и Линь Бяо... вот с Линем Бяо она просчиталась. Кадры из документального фильма [«Две жизни председателя Мао»](#)

Фракция Мао начала со смены партаппарата и руководителей всех СМИ – прежних расстреляли, – и со взятия предприятий, госучреждений, важных объектов и СМИ под армейский контроль. Продолжилось обысками и арестами деятелей культуры и политиков. Наука и культура практически прекратили существование. Были закрыты книжные магазины и запрещена торговля всеми книгами, кроме цитатника изречений Мао в разных переплётках, вплоть до твёрдых пластиковых, которыми можно избить и забить насмерть и кровь жертвы не запачкает священную книгу хунвейбина. В пекинской опере были сожжены декорации и костюмы как больше ненужный хлам: вполне достаточно восьми революционных опер Цин Цзян. Группа по делам культурной революции закрыла на полгода учебные заведения и из высвободившихся 50 миллионов детей стала формировать студенческие и школьные боевые отряды хунвейбинов (красных охранников) и цзаофаней (рабочих бунтарей), которые танцевали на площадях «танцы верности председателю Мао» совершенно так, как танцевали дервиши 12 века танцы верности Абу-Хамиду аль-Газали (Аану) – авантюристу, который перехватил чистую идею Ислама и гипнозом внушил толпе то, что сегодня зовётся исламским фундаментализмом со всеми его запретами и предрассудками, с примитивизмом и дискриминацией всех сортов.

[Лю Шаоци](#) и Цин Цзян на балюстраде дворцовой башни Тяньаньмэнь 1 октября 1966 года. В руках у Цин Цзян цитатник Мао Цзэдуна. Это один из последних его снимков во власти. В 1967-м его, «главаря чёрной банды», уже фотографировали на «[митинге критики](#) и борьбы»: «Доведём кровавое сражение с Лю Шаоци до конца!». Мальчишки хунвейбины бьют его по голове; Лю покорен и рад, что не пластиковыми цитатниками Мао, сделанными так, что их жёсткими рёбрами можно убить. Лю умер под пытками, а его семья прошла концлагерь просто за то, что это его семья

Хунвейбины и цзаофани шельмовали, и не только морально, но публично избивали неугодных «уклонистов», грабили и даже безнаказанно убивали. В полной аналогии с опытом Аану – Жана Кальвина, громили магазины качественных товаров, избивали хорошо причёсанных женщин, стригли наголо, отламывали каблучки у их обуви, рвали одежду, водили их по улицам в колпаках средневековых европейских еретиков, поощряли невзрачность, невежественность, неопрятность – всё, что сминает достоинство. Откуда было знать молодым погромщикам, что расправа идёт не за предательство идеалов революции, а за то, что имеют достоинство и самостоятельное мнение, а прежде всего (поскольку пострадавшие в 1950-60-х заинтересовались конечно личностью Цин Цзян) – с её бывшими родственниками и горничными, друзьями, мужьями, возлюбленными и их семьями – со всеми, кто мог сказать правду о «Голубой речке». Что расправляются также со всеми, кто когда-либо сказал о ней неллицеприятное слово, не пригласил на роль и так далее. Из этих людей, по которым она прошла к вершине, как по ступеням, не выжил почти никто. Они, выдающиеся деятели китайского театра и кино, исчезли из живых так же тихо, как документы из её досье, когда она, используя служебное положение, проникла в архив Управления общественной безопасности Шанхая (столицы киностудий) и изъяла свою папку. Возвращение её писем, обещание молчать ничего не могло изменить в судьбе людей, которых она обрекла самому надёжному молчанию. Она с тех пор значится во всех источниках как Цзян Цин, хотя в тех утраченных документах она была Цин Цзян – она путала следы, чтобы о ней никто не нашёл правды, потому что, особенно западные журналисты, искали, что же прячет эта роковая женщина. Она прятала не то, что у неё была бурная молодость, а то, что все эти «увлечения», как и увлечение коммунистическими идеями, были расчётливым продвижением вверх и вверх по головам. Свыше ста сотрудников Управления общественной безопасности Шанхая, препятствовавших ей, уже члену Политбюро ЦК КПК, в изъятии досье тоже погибли.

Ещё чистые и почти искренние лица...

...и иступлённые лица встроившихся или впавших в экстаз и больше себе не принадлежащих. Кадры из документального фильма «[Две жизни председателя Мао](#)»

Именно подростки, которых легче всего обмануть. Они уже в состоянии судить, громить, орать лозунги, не вдумываясь по неопытности в то, что на самом деле что значит. Они устраивают судилища над деятелями науки, культуры, политиками, преподавателями, громят университеты, библиотеки, музеи, губят бесчисленное количество произведений искусства, сжигают миллионы книг, расчищая место для новой пролетарской культуры, о которой не имеют первого понятия, да и не нуждаются в ней. Власть буквально натравливает, разнуздывает малолеток, подсовывая им лозунги вроде «[антимаоисты](#) – это «шныряющие по улицам крысы... Убивайте, убивайте их!»».

Линь Бяо поддерживал это в следующих словах: «... ну, убивали людей в Синьцзяне: за дело убили или по ошибке – [всё равно](#) не так уж много. Ещё убивали в Нанкине и других местах, но всё равно в целом погибло меньше, чем погибает в одной битве... Так что потери минимальны, так что достигнутые успехи максимальны, максимальны... Это великий замысел, гарантирующий наше будущее на сто лет вперёд. Хунвейбины – это небесные воины, хватающие у власти главарей буржуазии». Вы в этом отрывке услышите и интонации Горбачёва, и аналогию с Небесной сотней – националистической бандой Украины 2010-х лет...

Се Фучжи, едва вошедший в должность министр общественной безопасности заявил перед собранием сотрудников китайской милиции: «Мы не можем зависеть от рутинного судопроизводства и от уголовного кодекса. Ошибается тот, кто арестовывает человека за то, что он избил другого... Стоит ли арестовывать хунвейбинов за то, что они убивают? Я думаю так: [убил так убил](#), не наше дело... Мне не нравится, когда люди убивают, но если народные массы так ненавидят кого-то, что их гнев нельзя сдерживать, мы не будем им мешать... Народная милиция должна быть на стороне хунвейбинов, объединиться с ними, сочувствовать им, информировать их...». Это поощряло не только хунвейбинов, но и

уголовный мир: руки развязаны, милицию и госбезопасность обязали быть скорее пособниками нарушителей, чем стражами закона.

Что могло из этого последовать? Только одно.

«Система контроля государства за обществом фактически самоустранилась. Правоохранительная и судебная система бездействовали, так что хунвейбинам и цзаофаням была дана полная свобода действий, которая вылилась в хаос. Первоначально хунвейбины действовали под контролем Мао и его соратников. Среди них было много карьеристов, и многим из них удалось сделать себе быструю карьеру на волне революционной демагогии и терроре. По чужим головам они забирались наверх, обвиняя своих университетских преподавателей в «контрреволюционном ревизионизме», а своих «боевых товарищей» – в недостаточной революционности. Благодаря курьерским отрядам Кан Шэна осуществлялась связь с главарями хунвейбинов.

Многие хунвейбины были детьми из неблагополучных семей. Малообразованные и с детства приученные к жестокости, они стали прекрасным орудием в руках Мао. Но в то же время, например, 45 % бунтарей города Кантона составляли дети интеллигенции. Даже дети Лю Шаоци однажды рассказали уже находящемуся под домашним арестом отцу о том, какие интересные вещи удалось экспроприировать в семье буржуазных элементов.

Вскоре в среде хунвейбинов началось расслоение по признаку происхождения. Они поделились на «красных» и «чёрных» – первые были выходцами из семей интеллигенции и партработников, вторые – дети бедноты и рабочих. Их шайки начали непримиримую борьбу. И у тех и у других при себе были одинаковые цитатники, но все их трактовали по-своему. Убийца после столкновения банд мог сказать, что это была «взаимовыручка», вор, укравший кирпичи с завода, оправдывался тем, что «революционный класс должен гнуть свою линию». Мао всё хуже и хуже контролировал основную массу «генералов культурной революции», но главные направления развития хаоса оставались под его контролем.

Затем хунвейбины развязали ещё большее насилие и фракционную борьбу. Даже в маленькой деревушке Длинный овраг под видом революционной борьбы шла борьба между кланами, контролировавшими юг и север деревни. В Кантоне в июле – августе 1967 года в вооружённых стычках между отрядами организации «Красное знамя», с одной стороны, и «Ветер коммунизма» – с другой, погибли 900 человек, причём в перестрелках участвовала артиллерия. В провинции Ганьсу к 50 машинам привязали проводами или проволокой людей и кололи их ножами, пока они не превращались в кровавое месиво.

Во Внутренней Монголии в ходе беспорядков в 1967–1969 годах было убито более 20 тысяч монголов и более 300 тысяч ранено».

Господь Всеблагий, если Ты есть! Сколько можно жертв! Останови их! [Руки молящегося](#)
моей работы с Альбрехтом Дюрером